

18+

Александр Амурчик

Вожделение в эпоху застоя. Caldamente

Цикл «Прутский Декамерон». Книга 3

Александр Амурчик

**Вожделение в эпоху застоя.
Caldamente. Цикл «Прутский
Декамерон». Книга 3**

«Издательские решения»

Амурчик А.

Вождение в эпоху застоя. Caldamente. Цикл «Прутский Декамерон». Книга 3 / А. Амурчик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836184-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Кажется, что это незатейливые истории сексуальной самореализации юноши в псевдопуританском социалистическом обществе. Но вчитайтесь — и вы обнаружите, что это острые горькие книги о сочувствии ближнему и естественных радостях бытия. В стране, где высшим достоинством представляется сила, высшей добродетелью — деньги, а высшим духовным взлётом — половой акт, дети рождаются от случайного зачатия и, вырастая, продолжают унылый порочный круг. Автор нашёл в себе силы выйти за пределы этого круга. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-836184-5

© Амурчик А.
© Издательские решения

Содержание

Новелла первая. Папа (история вторая)	6
Новелла вторая. Мой Татьянин день	12
1	13
2	18
3	20
4	25
5	28
6	33
Новелла третья. Центнер любви	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вождение в эпоху застоя. Caldamente Цикл «Прутский Декамерон». Книга 3

Александр Амурчик

© Александр Амурчик, 2017

ISBN 978-5-4483-6184-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новелла первая. Папа (история вторая)

Коктейль «Кровавая Мэри»

Водка 50 мл.

Томатный сок 50 гр.

Лед, соль, острая перечная приправа.

Всё, кроме водки, слегка перемешать, осторожно по краю бокала или через ситечко влить водку.

*Мы умны, а вы – уввы
что печально, если
жопо выше головы
если жопа в кресле
Игорь Губерман*

На следующий день после моего несостоявшегося увольнения, инициированного директором ресторана Александрой Семеновной, у меня, естественно, не было никакого желания работать – сказалось напряжение вчерашнего дня, поэтому я повесил на обеих дверях бара таблички «санитарный день» и стал размышлять, каким образом это самое напряжение снять.

Сам так ничего и не решив, я позвонил Василию Ивановичу М., своему доброму приятелю, который мне вчера перед ревизией одолжил пятьсот рублей, и, объяснив ему ситуацию, а также посетовав на свое душевное состояние, спросил, как у старшего товарища совета, как следует выходить из подобного стресса.

Василий находился на работе – он трудился в должности заместителя генерального директора в крупном межрайонном предприятии, но вошел в мое положение, и, сумев оторваться от всех своих важных и не очень, дел, приехал в ресторан, чтобы вместе со мной решить, как провести сегодняшний день, который, кстати, только начинался – было всего 10 утра.

Выпив по фужеру холодного шампанского и пораскинув мозгами, мы пришли к выводу, что для успокоения расшатавшихся нервов мне просто необходимо отправиться на речку, и посидеть там хотя бы несколько часов в спокойной обстановке, порыбачить, выпить и отдохнуть, причем Василий Иванович был готов меня сопровождать и пожертвовать для этой цели своим рабочим днем. («Не бросать же товарища в трудную минуту» – сказал он).

Чтобы нам не было скучно вдвоем, тут же было решено прихватить с собой каких-нибудь дамочек. Василий Иванович уладил текущие вопросы, сделав несколько звонков по телефону, а также сообщив, кому следует, о том, что он будет сегодня отсутствовать на работе в связи с загруженностью профсоюзными делами.

У меня же, в отличие от него, никаких дел, подлежащих срочному решению, не было, поэтому, еле дождавшись, когда Василий Иванович освободится, я с воодушевлением (достойным, между нами говоря, лучшего применения) приступил к выработке деталей нашего проекта.

Река Прут, выбранная нами как наиболее подходящее место для отдыха, служащая, как известно, границей нашей родины с дружеским нам государством Румынией, протекает в пяти километрах от города, то есть, находится максимум в десяти минутах езды от ресторана, что было весьма удобно.

Женский вопрос, обычно требующий времени и хлопот, разрешился на этот раз в считанные минуты: проделав по центральным улицам города скоростной пеший рейд, у одного

из магазинов готовой женской одежды я почти сразу же набрел на двух бесцельно прогуливающих дамочек, немного мне знакомых и, хотя никаких с ними отношений я прежде не имел, тут же пригласил на пикник. Под моим нахальным напором им ничего другого не оставалось, как согласиться, и дамочки тут же отправились домой за купальниками, а я, испросив адрес, пообещал через полчаса их прямо от дома забрать. Одну из этих дамочек звали Надеждой, она работала в центральной парикмахерской мастером по мужским прическам, и сегодня, на нашу удачу, оказалась выходной. Это была бойкая, черноглазая, внешне весьма привлекательная брюнетка болгарской национальности, двадцати лет, с едва заметными усиками над верхней губой.

Лилия внешне была не столь яркой, как ее подруга, а даже совсем наоборот – такой блеклой светловолосой худосочной дамочкой, зато была веселой и разбитной, любительницей анекдотов и недвусмысленных шуточек, а главное, знакомые ребята говорили, что и к интимным отношениям она относится легко и просто. Надежду я, естественно, определил в пассии себе, Лилию же планировал свести с Василием.

Пока я занимался своей частью «задания», мой партнер «зарядил» багажник своего «жигуленка» всем необходимым для пикника, а вскоре, вновь встретившись, и чуть позднее подобрав девушек по указанному адресу, мы взяли курс на дорогу «Дружба».

Дорогой «Дружбы» у нас называется насыпная шоссейка длиной около пяти километров, связывающая город с пограничной заставой. Кончается она у моста через Прут, на нейтральной полосе, за которой уже начиналась Румыния. По обе стороны дороги растут тополя, посаженные здесь еще в конце пятидесятых, за четверть века уже хорошо набравшие в росте и кроне. Прежде эти земли из-за близости реки были сильно заболочены, назывались плавни и были в дождливое время года непроходимы, и там водилось огромное множество рыбы и раков, коих хватало для нужд всего города. Но, несколько лет тому назад, по решению партийного руководства района плавни были высушены и приспособлены для овощеводства. С тех пор там стали выращивать помидоры и огурцы, но все же почти каждый год, особенно после обильных дождей, природа делает попытки отвоевать свое, и эти места вновь превращаются в непроходимые болота, из-за чего дорогу пришлось построить насыпной, метра на три выше уровня земли.

Лично мне из-за столь громкого названия этой дороги – «Дружба», по наивности еще со школьных лет представлялось, что иногда, в праздничные дни, например, в день Победы, граница между дружескими странами открывается, с нашей стороны нарядные детки в пионерских галстуках встречают братских румынских товарищей хлебом-солью; ветераны при орденах и медалях приветствуют ветеранов братского социалистического государства, затем проводится совместный праздничный концерт, после которого устраивается ярмарка и спортивный праздник, где обе стороны с гордостью представляют и демонстрируют свои достижения и т. д. и т.п., но все это, к сожалению, было лишь плодом моей фантазии, ничего подобного здесь не происходило.

Прут, повторюсь – река пограничная, поэтому у заставы, главное здание которой располагалось неподалеку от дороги, нашу машину встретили пограничники в зеленых фуражках и автоматами Калашникова за плечами. Встретили, надо сказать, приветливо, отдали честь, при этом, завидев в машине молоденьких женщин, не по уставу заулыбались. Но все же Василию для «нарушения» границы, хотя и с дружественной нам Румынией, пришлось связаться по телефону с дежурным по заставе для получения специального устного разрешения.

Местом отдыха «слуг народа», к которым себя причисляла партийная и хозяйственная элита нашего района, служила ничейная полоса земли, расположенная между советской и румынской заставами. Эта полоса начиналась непосредственно за КСП (контрольно-следовая полоса), поэтому доступ сюда обычным людям был закрыт.

Мы себя к элите не причисляли – не знаю как Василий Иванович, я-то уж точно нет, – но границу порой нарушали: чудесно было отдохнуть в этом не тронутым веками оазисе девственной природы, и, что не менее важно, здесь-то уж точно за тобой не следил чей-нибудь недоброжелательный глаз.

Итак, получив от дежурного по заставе добро на «нарушение границы», мы уже через пару минут, проехав несколько сотен метров по дамбе, отгораживающей колхозные поля от водной среды, нашли подходящее место для отдыха, расположившись не у самой реки, а у одного из ее обводных каналов, где берег и дно были гораздо более удобными в плане доступности для отдыха и рыбалки.

В считанные минуты мы выгрузили из машины припасы и постелили покрывала для сидения, и вскоре у воды весело и уютно потрескивал костерок, который мы собирались использовать для приготовления ухи, а если предстоящая рыбалка окажется удачной, то и рыбных шашлыков. Наши дамочки поначалу стеснялись раздеться даже до купальников, то и дело замечая то тут, то там скрывавшихся замаскированных пограничников – наших с одной стороны, и румынских – с другой, но, вскоре, после выпитой водочки – для сугрева организма – и затем парочки стаканов шампанского – для «полировки» – расслабились и разделись; ну а мы с Василием отдыхали в этих местах не в первый раз и поэтому никого не стеснялись.

Здесь речные каналы были будто специально приспособлены для купания в них: глубина воды в них была на уровне полутора метров; дно – также очень удобное: ровное и мягкое, выстланное мягкими водорослями, словно ковром, вода – девственно чистая, прозрачная, а непуганая рыба, которая водилась здесь в изобилии – карп, сом, короп и щука, – то и дело нахально шлепала по воде хвостом, пуская по поверхности круги, причем в самой непосредственной близости от человека.

Следует отметить, что этим небольшим участком земли, где мы сейчас находились – примерно в сотню метров протяженностью – владел Василий. То есть, владел, конечно, неофициально, ведь в нашей стране нет частной собственности на землю. Таких участков в этих местах имелось всего пять-шесть, и уже по одному этому признаку можно было предположить, что Василий был в районе человеком весьма уважаемым, то есть принадлежал к числу избранных.

Первым делом я для тонуса голышом искупался в одном из каналов (в этих местах река разветвляется на несколько каналов – естественных и искусственных), после чего, не вылезая из воды, принялся «рыбачить» – то есть обходить вентера, которые в этих тихих заводях установлены стационарно и крепятся к торчащим из воды шестам.

Принцип ловли был такой: в вентерах – удлиненных сетках типа садка, суживающихся к концу, периодически застревали бестолковые рыбины, так как войдя внутрь ловушки, выбраться наружу задним ходом им уже не удавалось. Засунув руку в первый же из этих вентерей, я нащупал сильное скользкое тело и спустя минуту извлек на свет божий сопротивляющуюся рыбину килограмма в полтора-два весом и длиной более полуметра, – это была щука. Лишившись родной стихии, рыбина перестала биться, замерла в моей руке, видимо, подчиняясь своей участи. Я поднял ее над головой и закричал Василию и девчонкам с гордостью и восторгом в голосе:

– Смотрите, вы, че я тут поймал!

Все повернули головы в мою сторону, и в этот самый момент щука с неожиданной силой дернулась, вывернулась из моей руки и, шлепнувшись в воду у самого моего носа, ушла в глубину.

Василий и девушки весело рассмеялись, лицо мое от удара по воде хвостом покрылось каплями брызг, а я растерянно смотрел то на свою руку, то на то место, куда ушла рыба – казалось, я еще ощущаю в своей руке ее скользкую прохладу, а щуки уже и след простыл. После этого случая я стал «рыбачить» внимательнее и осторожнее и, обойдя десятка два ловушек, выбросил на берег поближе к огню с дюжину крупных рыб, которыми сразу же занялся

Василий. «Порыбачив» таким образом, вдоволь, я позвал с собой Надю, и мы с ней, переплыв узкий канал, углубились в дремучие девственные заросли, где, казалось, еще не ступала нога человека – тут природа сохранялась нетронутой, считалась заповедной, и могла так же выглядеть, наверное, и пятьсот, и даже тысячу лет тому назад. Кстати, именно в этих местах так любил охотиться в бытность свою местным царем, то есть, извиняюсь, Первым секретарем ЦК Молдавии, всеми любимым и незабвенным наш генсек Л.И.Брежнев, истребляя из ружья кабанов, уток и всякую другую живность, которая и поныне в изобилии водится в этом чудесном оазисе природы.

Нам с Наденькой повезло: пока темпераментная болгарочка стонала и охала, распятая мною на крошечном островке суши, покрытом густой бирюзовой травой, ни один кабан не приблизился к нам хотя бы из любопытства. (Впрочем, весьма вероятно, что подобные картины им попросту приелись).

Тем временем Василий, оставшись наедине с Лилией, тоже зря времени не терял, а обучал ее одному из новомодных видов секса – минету. Он, надо сказать, обожал всякие новинки в этой области и считал себя в этом хорошим учителем.

Не знаю, когда только Василий все успевал – развлекаться с Лилией и готовить еду, но когда мы с Наденькой вернулись, нам было предложено «накрывать на стол»: уха, аппетитно булькающая в казанке на треноге, установленной над костром, была готова. Наденька нарезала салат из помидоров и огурцов, я разлил по стаканам водку, а Лилия уже подавала каждому алюминиевую миску с наваристой, исходящей дразнящим запахом ухой.

Солнце медленно, словно нехотя перевалило за полдень и взяло курс на запад, в Румынию, а мы, изрядно выпив под наваристую уху, а напоследок еще полакомившись запеченной в фольге рыбой, развалились в счастливой неге на упругой травке и стали травить анекдоты.

Казалось, ничто в этом райском уголке не могло потревожить покой – наш и границы, которая была на надежном замке, когда вдруг откуда-то неподалеку послышался звук сирены «скорой помощи». Мы с Василием вскочили: странно было слышать в этом заповедном безлюдном месте сугубо городские звуки, да и кому здесь могла понадобиться «скорая»: ведь кроме нас в этих местах и людей-то не было – не считать же за людей солдат-пограничников.

Да, я забыл упомянуть, что мы в поисках места для отдыха расположились по правую сторону от заставы, а машина «скорой», приблизившись к заставе – теперь ее даже было видно с места нашего базирования, – свернула в противоположную, налево, и звук сирены стал удаляться, а затем и вовсе затих.

Не стовариваясь, велев девушкам оставаться на месте, мы с Василием, как были в плавающих, попрыгали в машину, и тут же помчались по дамбе в ту сторону, куда унеслась «скорая» – возможно, там могла понадобиться и наша помощь. В минуту мы добрались до места, где на дороге, перегордив ее, стояло несколько машин: кроме «скорой» мы увидели здесь две «волги» – председателя горисполкома и первого секретаря райкома партии, а также «уазик» Дрозденко – начальника ЖКХ (жилищно-коммунального хозяйства) нашего района, – я узнал эти машины по давно знакомым мне номерам. Навстречу нам вышел водитель одной из «волг» Петро, – он был в брюках, но без рубашки. Судя по его всклокоченному внешнему виду, мужик был сильно взволнован.

– Петруха, что случилось? – крикнул я, выпрыгивая из машины.

– Да там... это... – он махнул рукой в сторону реки и замолчал.

– Наша помощь нужна? – спросил Василий Иванович, подходя.

– Нет, спасибо, не требуется, – ответил Петро. – Уже все нормально, хлопцы. Меня попросили постоять здесь и посторонних не пускать.

– Скажи мне только одно, Петро, Юрий Никитович, наш вождь и благодетель, в порядке? – спросил я.

– А, этот, да... с ним все в порядке, – ответил Петро, суетливо озираясь по сторонам. – Езжайте, ребята, езжайте, спасибо за беспокойство.

Мы с Василием молча переглянулись и полезли в машину.

Конечно мы, хотя и находились в непосредственной близости от места событий, так никогда бы и не узнали, что там, собственно, произошло, однако случилось так, что там присутствовала одна особа – моя хорошая знакомая по имени Любовь, и я хочу ей здесь предоставить слово. Дело в том, что я ее таки разглядел издали, она стояла на возвышении дамбы метрах в пятидесяти от нас и была в одном лишь купальнике.

«Мы приехали на заставу тремя машинами, – рассказывала мне Любаша на следующий день, когда мы с ней повстречались в городском кинотеатре, где она трудилась в качестве касирши, – и хотели, как обычно, повернуть с дороги «Дружба» направо – туда, где мы регулярно отдыхаем на полюбившемся нам местечке. Но лейтенант-пограничник извинился и сказал, что это место уже занято, и на вопрос первого секретаря: «Кем?», ответил, что там расположился бармен Савва со своей компанией.

«А, барменщик», – засмеялся Первый и, ничем не выказывая недовольства, приказал водителю свернуть за дамбой налево, чтобы не мешать отдыхающим, мол, места у реки всем хватит.

Наша гулянка была уже в самом разгаре: я и работница госбанка Галина наливали начальственным лицам кому водочку, и на закуску соленые огурчики с помидорчиками, а кому шампанское. Хорошо поддавший к этому времени начальник коммунального хозяйства города Дрозденко, плескавшийся в канале, крикнул шутливо Первому:

– Эй, жеребец, ты же смотри, сам все шампанское не выхлебай! Товарищу не забудь оставить.

Юрий Никитович, сидевший на берегу, протянул, не вставая с места, руку за спину, взял стоявшую там ополовиненную бутылку с шампанским и, состроив задорное мальчишеское лицо, запустил ее в направлении кричавшего со словами:

– На, пей, скотина, тут и тебе хватит!

И надо же, попал. Прямо в лоб. А начкомхоза, надо сказать, был парень не слабак, под стать первому секретарю – ростом под 190, а весом и того более – 120 кг. Вот только он никак не ожидал от своего партийного босса и собутыльника такой меткости, и от неожиданного удара, не успев даже ойкнуть, скрылся под водой.

Первый, да и мы с Галиной вначале подумали, что Дрозденко дурачится, нырнул и где-то затаился, а когда наконец сообразили, что все всерьез, и он до сих пор не вынырнул от попадания бутылкой в голову, прошло около минуты, а может и больше – все это время тот из-под воды не показывался.

Первый и его водитель, который находился поблизости, взволновались и прыгнули в воду (другие – второй водитель и исполкомовский работник в это время были далеко от места событий, они в сторонке занимались шашлыками) и попытались вытянуть из воды этого гиганта, но, как назло, глубина в этом месте чуть-чуть превышает рост человека, составляя что-то около двух метров, и это им не удавалось, а от нас, женщин, помощи ждать не приходилось: подругу – ту испугом словно парализовало, а я – наоборот – заверещала, как ненормальная.

Хотя, это, наверное, в итоге и помогло, потому что на мой визг обратили внимание скрывавшиеся поблизости пограничники. Они, двое молоденьких ребят, прибежали, побросали на берегу свои автоматы и, как были в форме, полезли в воду и вытащили тонущего с немалым трудом и даже риском для собственных жизней. Затем по рации сообщили на заставу о ЧП. Когда приехала «скорая», экстренно вызванная из города, «утопленник» уже очухался, матерился и требовал стакан водки, однако во избежание непредвиденных последствий его все же отвезли в больницу – на обследование, хотя он и отнекивался, не желая садиться в машину».

И хорошо еще, что так все обошлось, подумал я, внимательно выслушав рассказ Любаши, а то несколькими годами ранее в очень похожей ситуации директор городского торгового центра Мамрыко умудрился таки по пьянке утонуть, и не где-нибудь, а в соленом озере – то есть в общегородском месте отдыха трудящихся, там где, как говорится, воды воробью по колено.

Первый секретарь Юрий Никитович, был, конечно, весьма огорчен случившимся, но впоследствии, находясь в компании знакомых и друзей, вспоминая об этом происшествии, смеялся, очень удивляясь своей «меткости».

Вот такие приключения случаются порой на «рыбалке». Надо сказать, что я косвенно чувствовал себя виновным в этом происшествии: ведь Первому с его компанией из-за нас пришлось искать себе новое место для отдыха, и оно оказалось незнакомым ему и его друзьям-собутыльникам, да и глубину канала предварительно никто не измерял, не обследовал.

Надо сказать, что Любаша, любезно рассказавшая мне эту историю, могла бы, наверное, рассказать немало таких историй, так как состояла с Первым в близких отношениях вот уже на протяжении трех лет. Но стеснялась настолько, что не рассказала бы и эту, если бы я ее не узнал по очертаниям фигуры в купальнике на месте событий, а затем при встрече не потребовал объяснений. А дело было в том, что мы с Любой в прошлом году какое-то время были любовниками, и она тогда очень надеялась, хотя и беспочвенно, что я на ней женюсь. А я и не подозревал тогда, что мы с ПАПОЙ – первым секретарем райкома, спим с одной и той же женщиной.

Ну, а что касается нашего пикника, то мы с Василием и уже знакомыми вам по описанию дамами, завершили его ближе к вечеру, получив в итоге полноценное и ни с чем несравнимое удовольствие, а главное, сняли стресс.

Новелла вторая. Мой Татьянин день

Русский «веселый» коктейль

Лимонная настойка 30 мл.

Кагор 30 мл.

Армянский коньяк 25 мл.

Сухое красное вино 25 мл.

Вишневый сироп 10 гр.

Колотый лед.

*Не ждешь, а из-за кромки горизонта —
играющей судьбы записка свежая —
тебе навстречу нимфа, амазонка, наяда или просто б... проезжая
Игорь Губерман*

1

Я с героическим усилием вынырнул из омута пьяной беспробудности и распахнул тяжелые как гири веки. Но ничего не изменилось, все та же крошечная тьма по-прежнему окружала меня. Пошарив рукой вокруг себя, я проанализировал свои ощущения и понял, что лежу на матрасе, постеленном на полу. И лишь спустя минуту-две предметы, расположенные поблизости, стали принимать знакомые мне очертания – это был угол стойки и два высоких стульчика-пуфа. И тогда я с облегчением вздохнул: это означало, что я нахожусь на рабочем месте, в баре. С огромным трудом повернув голову вправо, я увидел миниатюрные циферки светящихся электронных часов, встроенных в полку витрины бара. Они показывали 7.30. Интересно, утра или вечера, равнодушно подумал я, ведь с моим образом жизни совсем не мудрено перепутать день с ночью. Сместив глаза чуть левее, я обнаружил веселый солнечный лучик размером с карандаш, каким-то чудом пробившийся между тяжелыми портьерами сюда, в вечно затемненное помещение.

– Доброе утро, – сказал я лучику, затем кое-как выпрямился и сел на матрасе. Голова от выпитой накануне вечером водки в количестве, не поддающемся подсчету, показалась тяжелой и распухшей.

Впрочем, это еще как-то можно было вытерпеть, но вот запахи... Атмосфера помещения была буквально пропитана рвотным коктейлем из мерзких запахов, какие бывают только в питейных заведениях.

Пошарив рукой вокруг матраса, я нащупал стеклянный предмет, оказавшийся ополовиненной бутылкой «боржома», предусмотрительно оставленной мною рядом с постелью еще с вечера, сунул ее горлышком в рот и, когда бульканье в моем горле прекратилось, в голове постепенно стало проясняться, после чего я уже смог различать и другие окружающие меня звуки.

Из-за двери, ведущей в вестибюль ресторана, послышалось далекое завывание пылесоса, а затем его разбавил голос нашего нового директора Сергея Степановича, переругивающегося с уборщицами; с другой стороны, где были расположены производственные цеха, до моего уха донеслась пулеметная трескотня непрерывно подъезжающих и отъезжающих мотороллеров с продукцией; все это перекрывалось железным лязгом периодически закрывающихся складских дверей, напоминавшем выстрелы гаубицы, – и все эти звуки в совокупности, более подходящие какому-нибудь полигону во время проведения военных учений, говорили мне о том, что ресторан жил и функционировал, несмотря на, казалось бы, достаточно раннее для подобного заведения время.

Я встал, накинул на плечи рубашку, натянул спортивные шаровары, сложил и спрятал спальные принадлежности в закрывающееся отделение стойки, затем захватил с собой полотенце, и, открыв дверь бара, шагнул в служебный проход, ведущий в подсобные помещения. Быстрым шагом, преодолев два длинных полутемных коридора, к моему счастью оказавшихся в эти минуты пустынными, так как своим помятым видом я боялся напугать кого-либо из коллег – работников ресторана, я попал в душевую комнату, расположенную в противоположной части здания.

Тугая струя прохладной воды из душа взбудрила меня, крупные капли, барабаня по коже, прогнали остатки сна и смыли все те запахи, которыми я, казалось, целиком пропитался за ночь. Я стоял, подставляя тело под потоки воды, довольно долго, до появления ощущения легкого озноба, затем с удовольствием растерся жестким махровым полотенцем до покраснения кожи.

Выйдя из санитарного блока, я вернулся в бар, настежь открыл дверь, ведущую на улицу, вдохнул полной грудью свежий утренний воздух, напоенный влагой недавнего дождя, постоял

так несколько секунд и тут только вспомнил, что с сегодняшнего дня я в отпуске – ура! – впервые за много месяцев напряженной ежедневной работы.

Однако прежде чем уйти в этот самый отпуск, мне еще требовалось доделать кое-какие мелочи по бару, как-то: навести в помещении порядок и сделать самому себе ревизию, или, как говорят коллеги-буфетчики – посчитаться. (Лично я всегда говорю, что в нашем случае считаться – это скрупулезно изо дня в день, до копейки, «сводить счета» с государством, и тогда тебе не о чем будет беспокоиться, и государству потом не придется сводить с тобой счета всяческими негуманными способами).

Ну, а завтра утренним автобусом я отправлюсь в курортный городок Затоку, что под Одессой – там, в одном из многочисленных лагерей отдыха, меня будет ждать друг детства Сережа Березкин, и мы с ним славно недельку-другую отдохнем.

Начать я решил с уборки, поэтому, облачившись в синий рабочий халат, приступил к самому неприятному делу – мытью посуды, оставшейся после вчерашнего вечера.

Незлобно ругаясь, когда на стаканах попадались полоски ничем не смываемой губной помады, я перемыл посуду, затем, включив усилитель и магнитофон, вставил в него кассету с моим любимым «Би джиз», зачерпнул из льдогенератора, намолотившего за ночь целую гору льда, горсть кубиков, открыл еще одну бутылку «боржома», и стал теперь уже медленно, с наслаждением, мелкими глотками через соломинку тянуть малогазированный напиток с оригинальным тонизирующим вкусом, который так хорошо освежает и – чего уж там! – великолепно опохмеляет по утрам.

Мой одноклассник Славка Карась, тоже бармен, только, в отличие от меня, мореходный, – он ходит на теплоходе по реке Дунай, – как-то рассказывал, как у него обычно проходит утренняя побудка. Попойки на пароходе – явление довольно регулярное, – порой длятся до двух, трех, а то и четырех часов ночи, в них участвуют работники obsługi – спевшиеся, спившиеся и давно уже на почве этого тесно спаявшиеся между собой повара, буфетчики, официанты и бармены. После этого мероприятия Славка прикорнет, бывало, когда один, а когда, при более удачном стечении обстоятельств, с какой-либо из официанток где-нибудь в укромном уголке до без четверти семь, потому что в семь утра уже нужно было вскакивать, бежать и обслуживать иностранцев, подавать им завтрак. Итак, он поднимается на ноги, но опухшие глаза никак не открываются, поэтому наш бедный Слава на ощупь добирается до льдогенератора и, открыв боковую крышку, зарывается головой в ледяные шарики, цилиндрики или кубики – в зависимости от типа аппарата. Отекшее его лицо при этом через каких-нибудь пятьдесят минут интенсивной хладотерапии приходит в почти нормальное состояние, а он тем временем хватает флакон дезодоранта, прыскает им, оттянув пояс брюк, в область паха, потом обрабатывает подмышки, последняя порция в рот, после чего опрометью несется в зал, на ходу прицепляя на место бабочку, которую случайно обнаруживает в кармане.

На раздаче он двумя салфетками подхватывает с мармита внушительную стопку тарелок, предварительно хорошо прогретых на пару, вылетает в зал, где добропорядочные немцы – в основном пенсионеры возрастом от 60 до 90, – уже чинно сидят за своими столами, подбегает к ним, громко, с видимым удовольствием кричит «хенде хох», отчего те мгновенно убирают со столов руки, и раскладывает раскаленные тарелки, чтобы потом на них поставить уже блюда с завтраком, а горячая тарелка нужна для того, чтобы поданный завтрак подольше оставался горячим – немецкий желудок нежен и требует к себе бережного отношения.

Вот так примерно начинается свой трудовой день мой в прошлом одноклассник, а ныне коллега и добрый товарищ Славка Карась.

А моя работа тем временем подходит к концу. Ряды стаканов выстраиваются на застеленной поверх стойки белоснежной льняной скатерти донышками вверх, заняв свое место между фужерами и рюмками, и их «боевой» строй застывает, готовый к новым застольным «баталиям».

Закончив эти приготовления, я с некоторым сожалением оглядываю плоды своего труда – вечером за стойку встанет мой напарник Залико: темпераментный кавказский парень грузинской национальности, который будет самостоятельно работать ближайшие две недели, пока я буду находиться в отпуске, греться на солнышке у Черного моря.

Штора на входной двери колыхнулась, отвлекая меня от прыгающих как блохи мыслей, – кто-то через открытую на улицу дверь входит в бар.

Выйдя из-за стойки, я вижу идущую прямо ко мне незнакомую женщину лет сорока, по виду сельскую, со включенными на голове волосами.

– Я вас слушаю, – сказал я, мягко улыбнувшись, решив, что женщина, скорее всего, заблудилась, и по ошибке вошла не в ту дверь.

– Это ты, что ли, Саша? – вдруг спрашивает она низким хриплым голосом, и я еще ничего не успеваю ответить, как она, приблизившись, хватая меня обеими руками за грудки и начинает трясти словно грушу.

– Что ты сделал с моей дочкой? Ты что с Танюшкой сделал, а, сволочь ты этакая? – вопит женщина, весьма энергично напирая на меня. – А ты знаешь, что она, забеременев от тебя, наглоталась таблеток, и врачи в больнице ее еле откачали? – Она продолжает меня трясти и хватка у нее, надо сказать, отнюдь не женская.

– В чем дело, гражданка, про какую такую Таню вы тут говорите? – кричу я в свою очередь, тщетно пытаясь оторвать от себя руки разъяренной женщины.

Тем временем мой мозг извлек из памяти и услужливо перелистал со скоростью 24-х кадров в секунду, словно в кино, многие десятки лиц с именем Татьяна, с которыми меня когда-либо сталкивала судьба, однако, никто из них не претендовал на беременность от меня, или, по крайней мере, я не знал об этом.

– Ты-ты... тебя зовут Саша?! – взревела женщина, обдавая меня тяжелым дыханием, лицо ее, наливаясь кровью, стало приобретать свекольный оттенок.

– Э-э-э... а-а... ну да...

– Ну, так это ты!

Ну, не мог же я в такой ситуации требовать от женщины предъявления фотографии ее дочери Татьяны.

– Так может, это все же не я?.. – из последних сил просипел я, когда она вжала меня в стенку, и мне больше некуда было отступить. – Наверное, вам нужен мой напарник, его тоже Сашей зовут. (Вообще-то меня, как вы знаете, зовут Савва, а моего напарника – Залико, но знакомые называли его по созвучию женским именем «Сулико» потому что на слуху у всех была известная и весьма популярная в нашем ресторане песня: «...Где же ты, моя Сулико?»; остальные, не трудясь, называли его Сашей, а также и меня заодно – так им было просто и удобно: все бармены нашего ресторана со дня его открытия носили одно-единственное служебное имя – Саша, так что мы с этим именем уже свыклись и смирились).

Лицо женщины вновь искажается в гневе:

– Ну, ты ведь грузин?.. – визжит она, обдавая меня капельками слюны.

Брови мои непроизвольно лезут на лоб. Если и встречаются среди грузин парни с такой как у меня внешностью – круглолицые блондины, – то, пожалуй, не чаще, чем один на миллион, но бедная женщина ведь могла и не знать об этом, подумал я, чувствуя, что вот-вот потеряю сознание от удушения.

– Я не грузин! – выдохнул я из последних сил. – Грузин – не я!..

Женщину, видимо, тоже оставили силы, потому что она отпустила, наконец, полы моего халата, шагнула к ближайшему креслу и села, вернее, упала в него.

Я метнулся за стойку и, налив в стакан «боржома», подскочил и подал ей, – еще не хватало, чтобы женщине прямо здесь, в баре, стало плохо с сердцем. Она, порывисто глотая и почти захлебываясь, выпила весь стакан, после чего стала постепенно успокаиваться, но все

еще продолжала беззвучно всхлипывать, дергая при этом головой и держа ее как-то неестественно вбок, подбородком почти касаясь плеча.

Я стоял перед ней, готовый к любому развитию событий, и тогда она безо всякого предисловия, вздохнув, стала рассказывать о том, что произошло с ее дочкой Татьяной. Слушая ее, я только благодарил Господа за то, что вся эта история была не по мою душу.

История была, конечно, банальная, где «главный герой» – мой напарник Залико, лишил девственности 16-летнюю сельскую девчонку, учившуюся в местном медицинском училище, предварительно запудрив ей мозги словами о любви.

Я внимательно выслушал несчастную женщину, повздыхал вместе с ней, посетовал на непорядочность мужчин в целом, и моего напарника в частности, и под конец убедил ее в том, что он – Саша, то есть Залико – подлец, конечно, редкостный, но, в конце концов, обязательно исправится и на ее дочери женится.

Предложив женщине зайти в вечернее время, когда она сможет застать здесь, в баре, соблазнителя своей дочери и объясниться с ним, я с удовольствием выпроводил ее на улицу.

На обратном пути, остановившись у входа, я кое-что вспомнив, подумал: как же он сможет жениться на этой девушке, если только в нашем городе он уже был женат как минимум на двух женщинах, и имеет совместно с одной из них двоих детей, и еще одного с другой.

Уже входя в бар, я заметил сумочку, лежавшую за стеклом на подоконнике изнутри и потому невидимую из-за портьера. Наверное, кто-то из вчерашних клиенток позабыл, подумал я, отодвигая портьера и доставая сумочку. Это была небольшая дамская сумочка из светлой кожи с тонкими длинными ручками, именно такие, кажется, теперь модны у молодежи.

Естественно, раскрываю ее, и тут же выворачиваю содержимое на стол. Читал как-то у какого-то писателя, что дама должна держать в сумочке лишь те вещи, чтобы не стыдно было перед окружающими, если вдруг то, что находится внутри нее, вывалится на всеобщее обозрение.

Итак, в сумочке незнакомки я обнаружил: маникюрный набор в чехле, носовой платок, маленький флакончик духов «Может быть», компакт-пудру, коробочку теней размером с сигаретную пачку, паспорт на имя Морарь Татьяны, 1962 г. р., национальность – русская (а фамилия, между прочим, молдавская), не замужем, детей нет (ну, в общем, молодая еще), прописка кишиневская (ага – значит, залетная столичная штучка!), а также автобусные талончики, троллейбусные, какие-то квитанции, кошелек, импортную красивую картонную коробочку непонятного предназначения, – так, что это у нас? Откроем... ага, презервативы... – теперь уже становится интереснее! И порванная золотая цепочка с небольшим крестиком в потайном отделении. В кошельке я обнаружил деньги, и немалые – 175 рублей с копейками. Вновь беру в руки паспорт: с фотографии на меня смотрит симпатичная шатенка с задорным лицом. Вчера среди моих посетительниц я эту девушку отчего-то не заметил: то ли оригинал мало похож на фото, то ли она сидела где-нибудь в углу, да еще ко мне спиной – только в этих случаях я не успеваю кого-то из присутствующих разглядеть.

Сумочка отправляется в сейф – такие находки мы, заботясь о престиже бара, обязательно возвращаем клиентам. А вещей в баре забывают предостаточно, как-то одних только зонтиков скопилось в подсобке на холодильнике одиннадцать штук, так одним ненастным вечером, когда ко времени закрытия бара неожиданно пошел дождь, я их все раздал своим непредусмотрительным клиентам, не захватившим из дому зонтики. А затем, часом позже, когда моя очередная пассия не пожелала остаться со мной в баре до утра, мы вышли с ней в дождь – и, конечно же, без зонтика – себе я, добрый дурашка, не догадался оставить хотя бы один.

Теперь, когда в баре уже относительно чисто и помещение достаточно проветрилось, мне остается сделать лишь переучет товаров. Обычно на это у меня уходит 30, иногда 40 минут – данные я разношу в специальный журнал по графам, так что и писать почти ничего не надо – требуется лишь проставить циферки, затем подбить их. Деньги в итоге после тщательного под-

счета ложатся двумя стопками: одна, правая, довольно толстая – государству, другая, левая – мне. Моя – совсем тонкая, в ней на этот раз всего две бумажки, сотенная и полтинник – 150 рублей. Обычный «навар» за воскресный вечер.

Итак, на часах только 9.30 утра, а я уже все свои дела закончил.

2

Едва успеваю об этом подумать, как раздается стук в дверь. Стучат в ту, что с улицы, хотя она по-прежнему остается приоткрытой. Я подхожу к двери и осторожно выглядываю из-за шторы – сегодня у меня уже есть опыт нападения на мою личность, затем распахиваю ее шире – передо мной, улыбаясь, стоит Татьяна. Поневоле улыбаюсь в ответ и, изобразив что-то наподобие шуточного реверанса, отступаю на шаг назад.

Татьяна – моя новая знакомая (нас представили друг другу всего лишь на прошлой неделе, кстати, здесь же, в баре). Как выяснилось в процессе знакомства, она была женой моего товарища по спорту, правда, теперь уже бывшей, – они, по ее словам, расстались пару месяцев тому назад.

Она входит, нет, врывается в бар, внося с собой тонкий аромат французских духов и... запах женщины. Татьяна подходит ко мне почти вплотную и заглядывает в глаза – глаза у нее серые, выразительные и взгляд их весьма откровенен.

– Привет, Савва. Не ждал меня?

Я лишь улыбаюсь, глупо было бы отвечать на подобный вопрос.

– А ведь я пришла за тобой! – говорит Татьяна и в несколько быстрых широких шагов обходит помещение по периметру, после чего вновь останавливается передо мной. – Помнишь, я тебе говорила, что мне нравятся крупные мужики? – Она, подавшись вперед, сокращает между нами дистанцию до минимума, и ее узкая прохладная ладонь ложится на запястье моей руки.

Может, она и говорила что-то подобное, проносится у меня в голове. Но ведь мы едва знакомы и тогда я на ее слова не обратил внимания. А вслух, шутливо, принимая обреченный вид, спрашиваю: И, значит, мое время пришло?

– Да, пришло! – твердо заявляет она и, подойдя к двери, переворачивает табличку на ней стороной «Закрето» наружу. – Ты ведь сегодня выходной, не так ли?

– Для тебя, Татьяна, я всегда свободен! (Мог ли я в этой ситуации сказать что-либо другое?)

– Тогда надевай скорее рубашку, мы поедем на квартиру, – говорит Татьяна. Глаза ее лихорадочно блестят. – На квартиру к моей сестре, – уточняет она. – Сестра сейчас на работе, на базе, а ключики у меня. – Татьяна для убедительности потряхивает связкой ключей.

«Или мир перевернулся, или ты стареешь, парень, и не понимаешь современных реалий жизни, – говорю я сам себе, спешно переодеваясь в подсобке, – если женщины вот так запросто снимают тебя».

Мы направляемся к выходу, я закрываю бар на ключ, и Татьяна увлекает меня к машине, стоящей у ресторана; я иду чуть сбоку и сзади, и мне предоставляется возможность рассмотреть мою неожиданную пассию во всей ее красе. Среднего роста, хорошо сложена, женственна, привлекательное лицо обрамлено темно-русыми волосами, голос красивый, грудной, мягкого тембра, шаг уверенный, пружинистый; красивое импортное в серый тон платье, расклешенное книзу, не скрывает ее стройных ножек. Она моего возраста, делаю я заключение, плюс-минус один год.

Мы садимся в зеленый «жигуль», – Татьяна сама водит машину, – и после нескольких минут езды по городу въезжаем... в мой родной микрорайон: оказывается, дом, в котором живет сестра Татьяны, расположен по соседству с моим. Сам я, правда, теперь редко здесь бываю – 24 часа в сутки я в ресторане, на рабочем месте, на «боевом» посту. Дорогой Татьяна успевает мне сообщить, что работает кладовщицей на складе райпотребсоюза, дверь которого теперь для меня всегда открыта.

Что ж, подумал я, весьма приятное знакомство и, кроме того, несомненно, полезное.

Мы выходим из машины, поднимаемся на третий этаж и оказываемся в двухкомнатной квартире. Татьяна отчего-то суетится и торопится – вероятно, нервничает, все же у нас «первое свидание». (Или, как знать, может быть, у нее на меня отпущен лимит времени?)

Мы отправляемся в душ, правда не вместе, а порознь – Татьяна, прикрываясь полотенцем, убегает из ванной в комнаты. Слегка ополоснувшись – ведь всего час или два тому назад я принимал душ – иду следом неглиже и обнаруживаю ее в спальне: Татьяна лежит на уже разложенном диване поверх покрывала, до подбородка укрывшись махровой простыней цвета ослета, влажное полотенце валяется рядом. При моем появлении она говорит срывающимся голосом:

– Ну, иди же скорее, Савва, обними меня покрепче!

Новое приключение, новая женщина, новые запахи... Но... мне не хватает главного – возбуждения, – так, легкий интерес и не более того. Ведь между мной и этой женщиной не промелькнуло даже той самой, совсем крохотной, но столь необходимой для близости искорки, не успело возникнуть даже легкой интриги – ничего.

Я подхожу к дивану, наклоняюсь, целую ее в мягкие податливые губы, затем одним движением руки отбрасываю простыню в сторону и в следующую секунду накрываю Татьяну своим телом. Мы начинаем любовную игру осторожно, как бы изучая друг друга и пробуя на вкус, не говоря при этом лишних слов – действуют только руки, губы и тела. Минут через пятнадцать одновременно приходим к финишу, после чего делаем перерыв, который включает в себя разговор на отвлеченные темы, кофе, и сигарету – для меня, затем вновь прыгаем в постель. Теперь мы экспериментируем смелее, ищем новые позы, пытаемся поймать приемлемый для обоих ритм. Приплываю во второй раз, следом за своей партнершей. Нет, что-то у нас не так! При всех ее положительных качествах такая партнерша не по мне, ничего путного у нас с ней не получится. Дело в том, что Татьяна в сексе – эгоистка. Любительница. Обыкновенная «трахалка-спортсменка». Считает, наверное, себя знойной женщиной и думает, что все мужчины в мире жаждут ее.

Одной этой встречи, пожалуй, будет достаточно, решаю я для себя: придется ей прозрачно намекнуть на то, что продолжать отношения нам не следует, это в итоге нас обоих только разочарует.

Татьяна, тем не менее, заметно повеселевшая после постельных упражнений, отвозит меня обратно в ресторан, где у входа, оглядевшись по сторонам, обнимает и целует на прощание в губы прямо на глазах у нашего швейцара Ильича, который к этому времени уже занял свой «пост №1» у центрального входа, после чего убегает.

3

Я, смущенно улыбаясь, приветствую Ильича – пожимаю ему руку, затем вхожу в ресторан и, не заходя в бар, поднимаюсь на второй этаж. А здесь, в зале, уже царит предобеденный напряг: официанты, сервируя столики, гремят тарелками и приборами, повара носятся по кухне как угорелые, производя своими действиями целые облака белого пара. Дразняще вкусные запахи, доносящиеся из кухни, напоминают мне о том, что с утра кроме кофе я еще ничего в пищу не употреблял, а калорий, кстати, уже поистратил предостаточно. В глубине кухни среди мармитов и духовых шкафов я замечаю Марьяшу – она заместитель шеф-повара. Подзывая ее, призывно машу рукой и невольно улыбаюсь – милая открытая улыбка этой девушки всегда радует, поднимает мне настроение, она прекрасной души человек и, кроме того, замечательный повар.

Марьяша показывает жестом, что поняла меня без слов, затем показывает мне обе ладони с растопыренными пальцами, из чего я заключаю, что она просит десять минут подождать. Пока у нее все жарится-готовится, я без дела слоняюсь по залу и всем мешаю работать, а официантку Вику, обожаемую мною за восточный разрез глаз и мягкий добрый характер (с разрешения читателя я здесь опушу сведения о ее сексуальных достоинствах), обнимаю сзади за плечи и легко целую в шею. Девушка шутливо ругается, затем, сказываясь занятой, вырывается из моих рук и бежит по своим делам. А в это время Марьяша с раздачи манит меня пальцем и вручает две огромные тарелки. Я молча благодарю ее – посылаю воздушный поцелуй, после чего с тарелками в руках удаляюсь в зал, где занимаю двухместный столик, расположенный в отдельной кабинке, и приступаю к еде.

Тем временем зал понемногу заполняется людьми обоих полов и самого разного возраста, но мой взгляд обращен исключительно на незнакомые женские лица, – любые другие меня не интересуют. Получасом позже я заканчиваю обед, так и не обнаружив среди посетительниц ресторана ни одной, достойной моего внимания дамочки. Разморенный едой, я медленно спускаюсь по лестнице вниз, мечтая лишь об одном – закрыться в баре и принять горизонтальное положение: организм настойчиво напоминает мне, что у нас с ним сегодня выходной.

Внизу, в вестибюле, меня останавливает швейцар Ильич.

– Савва, – с хитрой ухмылочкой говорит он, – тут тебя по всему ресторану какая-то молодая дамочка разыскивает. – И подмаргивая, добавляет: – Явно новенькая здесь! Рыженькая такая, я ее здесь раньше не видел.

– Если опять появится, скажи ей, пусть идет напрямиком в бар, я не буду закрываться, – говорю я ему сонным голосом и удаляюсь к себе. Смешав в высоком, фирменном стакане несколько видов сока, я включаю маленький цветной телевизор «Электрон», стоящий в витринной нише, усаживаюсь в кресло напротив двери и, потягивая через соломинку коктейль, смотрю какую-то скучную телепередачу.

Проходит пять-семь минут, мое внимание раздваивается между экраном телевизора и входной дверью, и вот она распаивается, и в бар буквально влетает эдакая рыжая бестия – стройная девушка с копной огненно-рыжих волос, в джинсах и в легком джемпере, на ногах модельные туфли.

Я делаю вместе с креслом пол-оборота в ее сторону, и мы встречаемся взглядами.

– Здравствуй, вы Савва? – энергично спрашивает девушка, одновременно цепким взглядом оглядывая бар. Я киваю, и она продолжает: – Как хорошо, что я вас нашла! – Она, видимо от избытка чувств, всплескивает руками. – А то я вас искала-искала, стучалась в двери бара с улицы и из фойе, узнала у швейцара, как вас зовут, потом побывала в ресторане наверху и даже на кухне, и везде мне говорили, что вы только что ушли, – выпаливает она все одним духом и открыто доверчиво улыбается.

– Приятно, черт возьми, когда тобой еще интересуются молоденькие девушки, – томным голосом старого ловеласа говорю я, оглядывая при этом свою гостью с головы до ног. (Я не из тех мужчин, которые начинают оглядывать женщину с ножек – меня в дамах в первую очередь интересует лицо, хотя ножки их, вне сомнения, тоже чрезвычайно важная штука).

– Вы понимаете, случилось так, что мы вчера с подругой были здесь у вас в баре, – продолжает девушка, – и я забыла свою сумочку. – И тут же добавляет с милой улыбкой: – Думаю, что здесь, больше вроде негде.

Девушка эта с каждой минутой мне нравится все больше – живая и непосредственная, она не могла оставить к себе равнодушным даже черствого человека. (А не то что меня, легко возбудимого). Мою сонливость как рукой сняло.

– И как же вас зовут, прекрасная незнакомка?..

– Татьяна.

– Ага, тогда я, кажется, вас знаю, ваша фамилия... Морарь, – закончили мы с ней вместе, почти в унисон.

– Ой, так сумочка у вас? – радостно восклицает Татьяна. – Значит, она не пропала. Ой, спасибо вам! Слава Богу, я так рада. А то мне сегодня уезжать домой, и нет ни денег, ни паспорта; ни пообедать, ни билет на дорогу купить.

– А кто вам сказал, что мы вас так просто из нашего города отпустим? – тонко улыбнувшись, сказал я. – Я бы, например, с удовольствием задержал вас за незаконное пересечение пограничной зоны, как гражданку, не имеющую разрешения на въезд. (Следует упомянуть, что наш город на особом паспортном режиме – пограничном, так как всего в нескольких километрах от него проходит граница с Румынией).

– Ой, а вы открывали мою сумочку? – девушка слегка зарделась.

– А как бы я в противном случае узнал, кто за ней придет? – говорю я, и с этими словами встаю, открываю сейф и возвращаю сумочку хозяйке.

– Убедитесь, что все на месте, – продолжаю я, – я мог быть не первым, кто в нее заглядывал. (Хотя я-то понимаю, что тогда бы в ней точно не оказалось денег, да и золотой цепочки тоже).

Девушка сосредоточенно ковыряется в сумочке.

– Ну, тепер у вас есть на что пообедать? – с затаенной надеждой спрашиваю я.

– А... да, все в порядке, – говорит Татьяна, поднимая на меня светлые лучистые глаза. Затем добавляет: – А знаете что, давайте пообедаем вместе. Я заплачу.

Тонко улыбнувшись на это предложение, я говорю:

– Боюсь, что даже с моим богатырским аппетитом второй обед мне не осилить. Так чего вы желаете, что вам принести?

– А... а вы что, принимаете здесь заказы, да? – девушка забавно оглядывается по сторонам, будто я, словно волшебник, пообещал накрыть перед ней скатерть-самобранку.

– Только у красивых девушек, – я с удовольствием делаю акцент на слове «красивых». – Итак, что будете заказывать?

– А мне все равно, что-нибудь на ваш вкус, – улыбается она доверчиво.

Высунув голову в дверь, ведущую в фойе, я кричу Ильичу:

– Швейцарман, ну-ка сгоняй, будь добр, наверх и позови мне Кирилла.

Татьяна, радостная оттого, что пропажа нашлась, присаживается рядом со мной и начинает что-то увлеченно рассказывать про вчерашний вечер, про подругу, а я, слушая ее, приветливо улыбаюсь и периодически поддакиваю. Спустя несколько минут в бар быстрым шагом входит Кирилл – невысокий, симпатичный стройный брюнет с усиками и пробором волос а-ля Гитлер, – он один из лучших официантов в ресторане, а также мой добрый приятель.

Он молча с интересом разглядывает мою гостью, затем переводит взгляд на меня и его лицо принимает вопросительное выражение.

– Один изысканный обед для дамы на твой безукоризненный вкус, – говорю я, хлопнув своей ладонью по его в знак приветствия, и Кирилл, не проронив ни слова, исчезает.

– А знаете что, давайте выпьем чего-нибудь за наше знакомство, какой-нибудь аперитив, – говорю я Татьяне. – Что вы предпочитаете: шампанское, сухое вино, водка?

Подумав секунду, она говорит:

– Ну что ж, давайте выпьем шампанского.

Я раскупорил холодное полусладкое, которое, насколько мне известно, больше всех других сортов нравится женщинам, и налил пузырящуюся жидкость в два высоких узких бокала.

Татьяна поднимает свой бокал и говорит:

– За честных и добрых людей, то есть за вас!

– Тогда следующий тост, – соглашаюсь я, – мы выпьем за наше приятное знакомство.

Мы соприкасаемся бокалами и делаем по глотку.

– А третий, – добавляю я, – за красивых женщин, чтобы они почаще забывали здесь свои сумочки.

В эту минуту в бар вновь входит Кирилл. Поставив огромный круглый разнос на один из столиков, он быстро удаляется, – наверху, в ресторане, по всей видимости, напряженка и запарка.

Татьяна подходит к столу и удивленно разглядывает принесенное: ей это мало напоминает стандартный обед в обычном ресторане, коим наш, по сути дела, является.

Переведя взгляд на меня, Татьяна удивленно качает головой.

– Тут все такое... красивое и аппетитное, – наконец находит она подходящие слова, после чего присаживается за столик. – Мне неудобно, что я буду есть одна.

– Прошу без церемоний, – улыбнулся я. – Поверьте, я настолько сыт, что даже малая крошка оказалась бы сейчас лишней.

Улыбнувшись на мои слова, девушка приступила к еде.

Ела она медленно и аккуратно, а я, присев напротив, стал подливать шампанское в наши бокалы и развлекать ее легкими шутками, одновременно исподволь изучая девушку.

Когда Татьяна покончила с едой и отложила приборы в сторону, я предложил ей совместно придумать и соорудить послеобеденный коктейль. (Это, как вы понимаете, было моей профессиональной заморочкой). Девушка эту идею восприняла с восторгом, мы вместе прошли за стойку и стали чудодействовать в четыре руки. Наши руки в процессе работы то и дело соприкасались и переплетались – и тогда мы останавливались и взирали вопросительно друг на друга, затем понимающе улыбались и продолжали.

Все ингредиенты получились у нас почему-то алкогольными; возможно, Татьяна не знала, что в коктейль можно добавить для мягкости также сок или минералку, а я ей этого не подсказал.

Мы неторопливо потягивали через соломинки коктейли, явившиеся результатом нашего совместного творчества, затем девушка приблизила свое лицо к моему и шепотом спросила:

– Савва, сколько же с меня причитается за все эти удовольствия?

Принимая ее игру, я еще более тихим голосом отвечаю:

– За удовольствия я беру плату только удовольствиями. – И при этом гляжу в ее бесовские глаза. – Но с вами случай особый, и я не хочу злоупотреблять своим гостеприимством. Вы можете уйти в любое удобное для вас время, когда пожелаете, а можете остаться, и тогда за мной десерт.

Татьяна, словно задумавшись над моим предложением, на несколько секунд прикрыла глаза, затем, когда она вновь их открыла, я увидел прыгающих в них огненных чертиков, а девушка улыбалась одними уголками рта.

– Пусть это называется десертом, – выдохнула она, – но мне кажется, что я останусь. Хотя вы, Савва, я должна вам заметить, – весьма опасный мужчина!

– Для вас, Татьяна, эта «опасность», поверьте, обернется одними лишь радостными находками, – сымпровизировал я.

Мы с Татьяной не стали заморачиваться квартирным вопросом, а попросту развернули в одной из кабинок матрас (ах, если бы он только мог разговаривать – этот замечательный многострадальный матрас!), поверх которого я бросил подушку и пару махровых простыней. Отстегнув и сняв с себя туфельки (и зачем только девушки носят модельные туфли вместе с джинсами?), Татьяна уверенно ступила на импровизированную постель, затем сбросила с себя джемпер и потянула вниз джинсы. Я обнял ее сзади, и, когда она выпрямилась, освободил девушку от лифчика. Она повернулась и, прижавшись ко мне всем телом, прошептала:

– Ты так легко с ним справился, а ведь лифчик этот непростой, с секретом!

– У любви от меня нет секретов, – улыбнулся я, и мы, взявшись за руки, медленно опустились на колени друг перед другом. То ли коктейль возымел над нами свое действие, то ли внезапно вспыхнувшая взаимная симпатия, только мы так легко слились, соединившись в страстных объятиях, будто давно уже были любовниками. Поочередно проявляя инициативу, мы с Татьяной устроили на матрасе такую карусель, что, временами, не удержавшись, скатывались с нашей импровизированной постели на ковер, затем, смеясь, возвращались обратно. Бурного финиша мы достигли одновременно, и потом еще какое-то время, лежа рядом и нежно поглядывая друг на друга, восстанавливали дыхание.

Татьяна лежала, раскинувшись в истоме, полностью расслабленная, когда я вновь заключил ее в свои объятия, захватив таким образом врасплох. На этот раз я полностью подчинил ее своим движениям и был агрессивен и неутомим. Ее глаза вначале горели страстно, она что-то шептала, затем я увидел в них ожидание и мольбу, она даже прикусила губу до крови, чтобы не закричать. Когда я, наконец, разрядился, мы повалились, совсем обессиленные, поперек матраса и замерли. Минуту-две спустя Татьяна шелохнулась, прижалась ко мне и, пристроив свою огненную головку у меня на руке, прошептала:

– Ты просто сумасшедший, Савва! Когда ты меня любишь, твои серые глаза горят голубым огнем.

«И когда она успела рассмотреть цвет моих глаз? – удивленно подумал я, нежно целуя девушку. – Ведь почти все это время ее глаза были закрыты, да и в баре сейчас темно как ночью».

Шепчась и лениво ласкаясь, мы провалялись в нашей импровизированной постели не менее двух часов, и под конец даже немного вздремнули. Когда мы вновь открыли глаза, я одним движением притянул ее к себе и пылко воскликнул:

– Я хочу тебя, Татьяна! (Это была, как вы, конечно, понимаете, шутка).

В притворном ужасе девушка округлила глаза и уперлась обеими руками мне в грудь:

– Нет, такое невозможно вынести. Черт возьми, это же прямо насилие какое-то!

– Но, милая, согласишься, что это нормально, – сказал я, немного ослабляя объятия. – Ты знаешь, еще Магомет в свое время сказал относительно женщины: «Никогда не отпускай ее, пока она не будет удовлетворена».

– Хорошо сказал. – Глаза Татьяны озорно блеснули. – Видимо, он был настоящий мужчина и понимал в этом деле толк.

Четверть часа спустя, у входа в ресторан, она, приподнявшись на цыпочки, обняла меня, поцеловала в щеку и, сказав: «Прощай, милый, это было как праздник!», летящей походкой ушла в сторону автовокзала. Татьяна на ходу размахивала своей сумочкой, той самой, с которой у нас с ней все и началось. Легкая грусть овевала меня, когда ее стройная фигурка исчезла за изгибом дороги. Глубоко вздохнув, я повернулся, было, чтобы вернуться в ресторан, и тут мой взгляд столкнулся с взглядом Ильича, стоявшего в трех шагах позади меня. На лице нашего швейцара было написано безмерное удивление.

– А мне показалось, что вы с этой дамой всего несколько часов назад, буквально на моих глазах встретились и познакомились, – растерянно, с удивленными нотками в голосе сказал он.

– Да, ты прав, отец. – Я дружески хлопнул его по плечу. – В этом вся наша жизнь – встречи, знакомства, а затем расставания. Но не следует огорчаться, тем самым, возможно, она и прекрасна!

После этих слов я направился к себе в бар. Заперев дверь, я включил кондиционер на полную мощность и, зарывшись в еще теплые от наших с Татьяной тел махровые простыни, тут же уснул как убитый. Последняя мысль была о том, что мой отпуск, кажется, начался, и весьма недурно.

4

На этот раз я проснулся от стука в дверь. На часах без десяти семь. Вечера, естественно – теперь я уже контролировал ситуацию.

«Напарничек явился» – понял я и отправился открывать.

Пока Залико переодевался в рабочую одежду – белую рубашку, брюки и черный пиджак, я прибрал на место постельные принадлежности, затем бросил перед напарником раскрытую тетрадь движения товара. После чего, объяснив ему диспозицию в баре, то есть, показав, где что лежит, я открыл входную дверь для посетителей.

Залико встал за стойку, а я уселся на пуфик по другую сторону стойки и попросил у него пачку «Мальборо». Залико подал мне сигареты вместе с каким-то лоскутом бумаги.

– А дэнги? – потребовал он с обычной своей ухмылочкой, видя, что я не собираюсь платить за сигареты.

– Что касается денег, коллега, то эта пачка полагается мне бесплатно. – Увидев удивление, написанное на лице напарника, я продолжил: – Она будет компенсацией за моральную травму, нанесенную мне твоей будущей тещей. – Сунув сигареты в карман, я взгляделся в бумажный лоскут. На нем красивым ровным почерком были написаны адрес и телефон Татьяны в Кишиневе. Ниже было приписано: «Люблю и жду!»

– Какой такой тещей? – не врубился Залико.

– Таниной мамой, которая приходила сюда утром, и чуть было по ошибке не оторвала мне яйца, хотя должна была оторвать тебе.

– Падажды, да, а хто ета, вай-вай-вай, што тэпэр будэт! – картинно схватился он обеими руками за голову.

– Да ты не волнуйся так! – сказал я злорадно, – она сказала, что снова придет – вечером, так что жди: твои яйца теперь тоже в опасности, и совсем не зная дочку, могу утверждать, что теща у тебя весьма тэм-пе-ра-мент-ная!

– А... эта, из села, – сообразил, наконец, о чем идет речь Залико и забавно стал чесать у себя в затылке.

Повернув голову чуть вправо, я заметил, что эту сцену, как и весь наш разговор, неожиданно для нас, да и для самих себя тоже, наблюдали и слушали две девушки, которые вошли в бар минутой-двумя ранее. Я тут же с удовольствием стал их рассматривать. Это были две невысокого роста, хорошо сложенные молоденькие особы, удивительно похожие одна на другую лицами и фигурами. И хотя одна из них была блондинкой, а другая брюнеткой, я сразу же для себя решил, что они – сестры-близняшки, так как блондинка была явно крашенная.

– Извините, – поочередно с интересом оглядев меня и Залико, проговорила брюнетка воркующим голоском, – вы сегодня работаете?

– Канэшна, девушка, канэшна, дорогой, захади, гостьей будэш, – тут же заулыбался Залико, включая все свое кавказское обаяние.

– А то мы так много хорошего слышали о вашем баре, и наши друзья, которые бывали здесь, рассказывали, что вот теперь мы решили сами посмотреть, убедиться, – поддержала первую девушку блондинка.

– Канэшна, пажалуста сматрытэ, – перехватив мой насмешливый, направленный на него взгляд, хмуро пробурчал Залико и, схватив тряпку, стал тщательно протирать стойку, очевидно вспомнив мои слова, которые я постоянно, каждый день к нему обращаю: «Не забывай, коллега, что стойка – это „лицо“ бармена!»

Девушки переглянулись, и брюнетка, видимо, из двоих более бойкая, располагаясь улыбнувшись, сказала:

– Мы работаем в Комрате, в ресторане «Буджак» официантками, сегодня у нас выходной, вот поэтому мы здесь.

– Добро пожаловать, коллеги, проходите, не стесняйтесь, – пригласил я радушно, – посмотрите, что вас интересует, и присаживайтесь, мы вам все покажем и расскажем.

Девушки прошлись по бару, внимательно оглядывая обстановку и рассматривая импортные, в рост человека, рекламные плакаты на стенах и колоннах бара.

– А в нашем городе, к сожалению, нет бара, – сказала блондинка, когда девушки вернулись и присели у стойки, – а у вас тут действительно хорошо и очень уютно.

– Спасибо, приятно слышать, – автоматически ответил я, и, хотя уже собрался было уходить домой, притормозил. «Погоди-ка, – сказал я сам себе, – а ведь эти девочки, судя по всему, решили устроить себе сегодня в нашем городе „разгрузочный день“. – Ведь там, в Комрате, в дремучей Гагаузии, где им приходится жить и работать среди своих закомплексованных вековыми традициями гагаузов, девушки не могут отдохнуть и расслабиться, как им хочется, а здесь, где их никто не знает, они надеются оторваться по полной программе».

Я вернул свою задницу на пуфик. Конечно, я был реалистом и понимал, что эти искательницы веселых развлечений и острых впечатлений – милые залетные «петрушечки» – сегодня по вполне понятной причине мне уже не по зубам, но и оставлять их грузину из принципа не хотелось. А девушки тем временем мило щебетали, наперебой рассказывая о том, где они уже побывали и что успели посмотреть в нашем городе до своего прихода в бар. Тут же мы без церемоний и познакомились, блондинка назвалась Светланой, а брюнетка – Татьяной.

Я жестом показал напарнику, чтобы он налил дамам шампанского, а сам тем временем буквально на минуту выскочил из ресторана. Поймав на стоянке у бара первого же попавшегося знакомого мне владельца машины, я попросил его сгонять ко мне на квартиру, взять и привезти от мамы сумку с вещами, которую она заранее сложила мне для отпуска, – сам я домой, судя по всему, уже не поспевал. Я сунул водителю в руки адрес, короткую записку – для мамы, и пятерку – ему за труды, после чего поспешил обратно.

По возвращению в бар, а отсутствовал я никак не больше пяти минут, возле «наших» девушек я обнаружил целый рой «кобелей» – местных донжуанов, которые, переговариваясь шепотом, расспрашивали друг друга, откуда здесь взялись эти новенькие дамочки. Девушки же беззаботно попивали шампанское и делали вид, что происходящая вокруг них суэта никоим образом к ним не относится, – тут, безусловно, сказывался опыт работы в ресторане, а также навык общения с посетителями. Присев между девушками, я взял себе фужер шампанского и стал их развлекать, рассказывая анекдоты попеременно с местным приколами; попутно я ломал себе голову, как же мне в сложившейся ситуации поступить.

Эх, в который уже раз я пожалел, что рядом со мной нет Кондрата – моего верного товарища и бесценного партнера по совместному времяпровождению с девушками, – прошло уже более полугода, как он находился в армии. Но что делать, как мне быть? Увести этих девушек к себе на квартиру? И что дальше – улечься с обеими в постель?! Я только на секунду представил себе, как эти две гагаузки-турчаночки в сладострастном экстазе терзают мое бедное тело, и мне чуть не поплохело. Так я рассуждал, пока болтал с девушками, перемежая анекдоты с различными сценками из оцепитовско-ресторанной жизни, – это была общая для нас и близкая девушкам профессиональная тема.

Тем временем среди многих прочих в бар заглянул еще один из постоянных клиентов: это был Саша Подольский, работавший председателем одного из городских спортобществ, парень спортивного сложения и приятной внешности. Правда, едва он подошел и, протянув руку, поздоровался, я сразу понял, что он слегка подшофе, но и в таком состоянии Саша, насколько я знал, старался вести себя как джентльмен, так как происходил из интеллигентной семьи: мать его была учительницей, а отец партийным функционером среднего звена, то есть районного уровня.

Тем временем Саша, заказав у бармена фужер шампанского, стал с интересом приглядываться к девушкам. Затем, выбрав момент, шепотом спросил у меня, что это за дамы со мной. Решив, что лучшего партнера на этот вечер мне все равно не найти, я отвел его в сторону, вкратце изложил ситуацию, и Саша сразу загорелся, предложив отправиться к нему, в его однокомнатную квартиру, расположенную в доме неподалеку от ресторана.

На том и порешили.

Я спросил девушек, не голодны ли они, и не хотят ли подняться в зал ресторана, на что они ответили, нет, мол, и что им и здесь хорошо. Тогда я в двух словах объяснил нашим милым турчанкам, что нам стоило бы покинуть бар именно сейчас, до наступления часа всеобщий «охоты», когда в ресторане парни расхватывают девиц, как голодные – горячие пирожки, и они, поняв меня, сразу согласились.

Как раз в это самое время отправленный мною к маме товарищ вошел в бар и протянул мне сумку с вещами. Я поблагодарил его, затем, открыв сумку, поверх своих вещей уложил несколько бутылок «Токайского» – великолепного венгерского вина, которое, кстати, в прошлом году было признано лучшей маркой сухого вина в мире, после чего мы немедленно покинули бар. Залико, провожая нас у входа, сделал вопросительное лицо, взглядом спрашивая, как же насчет него, на что я ему мило улыбнулся и сказал:

– А ти, джигит, круты сэбэ яйца, они тэбэ все равно болше нэ понадобятся, потому что теща вот-вот падайдет.

5

Я с девушками вышел на улицу, а минутой позже нас нагнал Саша – оказалось, он задержался в баре, покупая упаковку шоколадок. Темнело, когда мы, смеясь и чертыхаясь, если приходилось обходить большие лужи, то и дело встречающиеся на нашем пути, добрались до пятиэтажного дома, первый этаж которого занимал магазин «Молдова». Ведомые Сашей, мы поднялись по лестнице на третий этаж и со смехом и шутками ввалились в квартиру. Весь путь к дому Татьяна проделала, держа Сашу под руку; ее сестричка Светлана, нисколько не теряясь, держала под руку меня. Однако, когда мы уже оказались в квартире, я решил, что не стоит мне нарушать сегодняшнюю традицию и стал уделять внимание Татьяне, тем более, что девушки, если бы не обесцвеченные волосы Светланы, были практически неразличимы.

«Если мне не хватит сил на то, чтобы как следует поприставать к Татьяне, – мелькнула в моей голове предательская мысль, – то хотя бы отвлеку ее на себя, чтобы она сестре и Сашке не помешала, а потом, ранним утром, я все равно сбегу, – у меня ведь в кармане билет до Затоки, на одесский автобус, который отправляется в 5.10».

Саша тем временем включил магнитофон, а девушки принялись хозяйничать за столом – нарезали хлеб, а также колбасу и помидоры, принесенные хозяином из холодильника, затем, испросив у него стаканы, сами же стали разливать вино. Прозвучало несколько подходящих для такого случая тостов – за дружбу! за встречу! за любовь! – под которые все мы с удовольствием выпили, – казалось, что в нашей небольшой компании наметилась полная гармония.

Я мелкими глотками попивал светло-золотистое на цвет и слегка кисловатое, но богатое вкусом вино, и налегал при этом на шоколад – помнится, вычитал в каком-то умном журнале, что он способствует сексуальной силе. Не знаю только, сколько его понадобится съесть в моем случае, боюсь, что как минимум килограмма два, чтобы хотя бы частично наверстать силы, уже потраченные сегодня. Перекусив и послушав музыку, и не зная, чем еще можно развлечься, мы скомкали программу, для чего я, легко ущипнув Татьяну за руку, направился на кухню, куда Саша чуть раньше отнес матрас и другие предназначенные мне постельные принадлежности. В наше время спать на матрасе, да еще на полу, да еще в кухне считалось кошунством, но лично для меня это стало уже как бы неотъемлемой частью бытия. Тем более что в этих «матрасных мучениях» меня зачастую сопровождали такие замечательные и к тому же неприхотливые к быту девушки!

Через минуту, когда я уже заканчивал стелить постель, следом за мной на кухню пробралась Татьяна. Она прикрыла за собой дверь и мы, не теряя больше ни секунды, выключили свет, разделись и приняли горизонтальное положение. Обняв ее, я совсем по-детски скользнул головой к ее небольшим, твердым грудкам, и принялся губами отыскивать сосок, а ее маленькие, горячие ладони стали шарить по моему телу, забираясь в самые укромные местечки. После непродолжительной прелюдии я выбрал пассивную позицию «на спине» и отдал Татьяне инициативу, предоставив ей полную свободу действий – гагаузки-турчанки в постели горячие и темпераментные изначально, по своей природе.

Когда Татьяна, к моему немалому удивлению, быстро добилась своего и, возбуждив моего «удальца», уселась на него сверху, мелькнула мысль, что вряд ли я способен хоть в чем-то ей помочь. Как, впрочем, и помешать. А девушка, не догадываясь о моих тревогах и сомнениях – что и замечательно! – сама хорошо со всем этим справлялась, а то, что я очень долго не мог кончить, как раз и было для нее лучшей помощью. После нескольких перемен поз на базе первоначальной, Татьяна, растратив все свои силы, упала на меня грудью, уткнувшись лицом в плечо, и стала всхлипывать в такт движениям. Не знаю, сколько это действие (или как это еще можно было назвать?) продолжалось – я попросту потерял ощущение времени, но моя партнерша, когда, наконец, сползла с меня, выглядела совершенно обессиленной. В награду

за мою «стойкость», она стала меня целовать, а мне хотелось лишь одного – чтобы она уже улеглась и оставила меня в покое.

Вскоре это и произошло, но когда Татьяна, вытянувшись рядом, расслабленно приникла ко мне своим горячим телом, нам стали слышны доносившиеся из комнаты голоса: разговор там проходил на высоких тонах, и, судя по всему, весьма скоро грозил перерасти в скандал.

– Как ты думаешь, что там у них происходит? – спросил я Татьяну, хотя и сам уже догадывался, в чем дело, она же в ответ что-то неопределенно пробормотала. Естественно, из чувства мужской солидарности я не мог не вмешаться, поэтому встал, спешно натянул брюки и постучал в дверь. Услышал Сашино «войди», я толкнул дверь и шагнул в зал. Светлана сидела одетая на диване в знакомой мне по опыту закрытой позе «не дам» – руки скрещены на груди, колени плотно сжаты, глаза глядят неприязненно исподлобья, а Саша стоял перед ней и читал девушке мораль.

– Я чем-то могу вам помочь, друзья мои? – спросил я шутливо, но Саша, которому, видимо, было не до шуток, так как он уже начал терять терпение, вдруг ответил сварливо:

– Вот-вот, ты виноват, Савва, ты с ней и разбирайся.

Не спрашивая товарища, в чем я лично перед ним провинился, если он один на один не может склонить девушку к интимным отношениям, я, напустив на себя суровый вид, строго посмотрел на Светлану, та же глядела на меня из-под влажных ресниц жалобно, чуть не плача.

– Ну-ка, Светик, давай выйдем со мной на минутку, поговорим, – позвал я девушку и отправился в прихожую.

– Понимаешь, – сбивчиво начала разговор Светлана, едва мы с ней остались вдвоем, – еще в баре, с самой первой минуты я решила... – Тут девушка, порывисто прижавшись ко мне, всхлипнула и, не удержавшись, расплакалась. Как мне ее было не жаль, – не говоря уже о том, что этот ее порыв был мне весьма приятен, – я сказал:

– Так, давай-ка вначале утри слезы, и объясни мне, в чем дело, только говори четко и членораздельно.

– Понимаешь, Савва, мне сразу, еще в баре понравился ты, а я не проститутка какая-нибудь и не могу, не испытывая хотя бы симпатии, лечь с ним, ну, с этим Сашей. Я так и сказала ему об этом, поэтому он и начал скандалить, – пояснила она.

Что ж, позицию Сашы в создавшейся ситуации можно понять, подумал я. Да и позицию Светланы тоже. И теперь именно мне надо будет каким-либо образом исправлять эту самую ситуацию. Нет, я не стал читать Светлане нотации на тему: «Надо-не-надо, хочу-не-хочу, дам-не-дам, или дам, но-не-вам», а вернувшись в комнату, негромко спросил Сашу:

– А что, если вместо Светланы к тебе придет Татьяна? Если хочешь, я попробую с ней поговорить.

Саша угрюмо кивнул, ему было все равно.

Согласия Татьяны я, откровенно говоря, боялся спрашивать, представляя себе, какой скандал она может закатить, – турчанка все же, горячая кровь. А с другой стороны, надо было хотя бы попытаться оказать почесть и хозяину квартиры, поэтому я отправился на переговоры с Татьяной.

– Танечка, – тяжело вздохнув, обратился я к девушке, входя на кухню и включая свет. – Ты не могла бы пойти и успокоить нашего хозяина Сашку. Выручи сестричку, а то у нее, мне кажется, что-то где-то замкнуло.

– Как это «успокоить»? – приподнявшись в постели, вспыхнула девушка. – Я что, потвоему, должна ему «дать»? И не собираюсь. Что за глупости? Я останусь с тобой до утра. Не стыдно тебе такие вещи предлагать мне после того, что у нас с тобой было?

Ее обжигающий взгляд и обвиняющий тон заставили меня прикрыть глаза. Ну, как вам это нравится? Она «останется со мной до утра». А по тону так можно подумать, что до конца жизни. Я уже открыл, было, рот, чтобы в сердцах спросить, какая для нее по большому счету

разница, с кем из нас спать, когда Татьяна, не одеваясь, быстрыми движениями похватав свои вещи и завернувшись в простыню, ушла в зал, громко хлопнув на прощание дверью.

Раскрыв от удивления рот, так как я уже и не надеялся на благополучный выход из того патового состояния, которое создалось в нашей компании, я еще несколько секунд простоял на пороге кухни, когда вдруг заметил, как из коридора, крадучись, словно кошка, ко мне пробирается Светлана. Затаенно улыбаясь, она быстро оглядела кухню и опустилась на матрас, и лишь тогда я, очнувшись, быстро выключил свет, чтобы она не имела возможности обозреть место совсем недавно произошедшей здесь любовной схватки.

Светлана, взяв меня за руку, усадила рядом с собой и, сменив обиженный тон на упреки, стала спрашивать, почему я сразу не захотел остаться с ней.

Я замаялся. Что я мог сказать ей, как объяснить? Сказать, что выбрал Татьяну только из-за имени – смешно. Или что они с сестрой для меня (как и для многих других, впрочем), абсолютно одинаковы? Вместо этого я придумал кое-что другое:

– Понимаешь, Светуля, – проникновенно начал я, – Мне не хотелось расстраивать тебя, но у меня проблемы... ну, это... с сексом.

При этих словах Светлана недоверчиво отодвинулась и в недоумении уставилась на меня.

– Да-да, так что, пожалуйста, пойми меня правильно и не обижайся. – Я опустил голову на грудь. Говоря это, я и не думал врать, так как знал, что никто и ничто в мире уже не в состоянии подвигнуть меня сегодня вновь на интимные отношения с женщиной. Светлана же после короткой паузы потянулась ко мне и стала гладить по голове и плечам, пытаясь этим успокоить, но затем вдруг оттолкнула от себя и спросила:

– Но ты ведь только что спал с Татьяной!?

Я отрицательно покачал головой и для правдоподобия тяжело вздохнул. Светлана продолжала смотреть на меня недоверчиво, затем спросила:

– А сколько тебе лет, Савва?

– Двадцать шесть, – ответил я, затем взял ее ладони в свои и тут меня понесло, я стал жаловаться на жизнь, рассказал девушке, что это у меня произошло от неразделенной любви еще три года тому назад, и что с тех пор я вообще не спал с женщиной, – не получалось и все. И до того вошел при этом в роль, что мне стало ужасно жаль самого себя, и в глазах моих, кажется, даже выступили слезы.

Светлана вначале утешала меня, как могла, затем стала убеждать, что все еще будет хорошо, мне обязательно повезет и попадется хорошая, добрая и понятливая девушка, с которой у меня все наладится и в жизни, а затем и в постели тоже. При этом она вновь стала гладить меня по голове, по плечам и по спине, и вскоре я понял, что она в порыве сострадания готова стать той самой девушкой. Несколькими минутами позже, как бы случайно проведя рукой по моему паху и убедившись, что мое тело не реагирует на ее простые ласки, Светлана использовала массаж, но чуть было этим не загнала меня в сон. Убедившись, что и это не помогает, она переменяла тактику и сказала строго, поставив мне условие:

– Поклянись, что никому не расскажешь, тогда я сделаю тебе минет.

Здесь следует отметить, что всего несколько лет тому назад в наших краях и слова такого никто не знал – минет, – а за просьбу исполнить его, то есть взять в рот, любой из парней мог запросто отхватить от девушки пощечину.

– Бля буду, клянусь, что никому не скажу, – силясь сохранить серьезность, тут же поклялся я.

Светлана несколько секунд в задумчивости смотрела на меня, затем деликатно освободив моего «удальца» из плена брюк, перешла к активным действиям.

Я безучастно лежал на спине, а сильное, гибкое тело Светланы скользило по мне, изворачиваясь, руки и губы ее творили буквально чудеса, и в результате девушка все-таки добилась своего, – этот дурень с головой, но без мозгов, мой «удалец», кое-как выпрямился и встал!

Светлана, увлекаясь, стала тереться и ласкаться об него все энергичнее, а затем, взявшись за дело всерьез, оседлала меня, доставив тем самым моему детородному органу нешуточную боль, и начала двигаться вверх-вниз и вперед-назад, лицо ее исказилось от страсти. Девушке, очевидно, понравился процесс «реабилитации», но, к сожалению, в своем усердии Светлана то и дело делала мне больно. Мой детородный орган не столько отвердел, сколько онемел, и я еле сдерживал руками свою любвеобильную партнершу, направляя ее так, чтобы она делала поменьше резких движений и не смогла причинить мне дополнительных неприятных ощущений. В эту, прямо скажем, нелегкую для меня минуту я находился в том состоянии, что, уже не думая о сексе, попросту был в страхе за свое здоровье и почти не надеялся на благополучный исход нашего акта. Светлана же, счастливая от того, что так хорошо и положительно на меня влияет, довела таки меня до пика – высшей степени экстаза, – и мой крайне измученный организм, наконец, выручил меня – произошло извержение, я кончил: это было ни с чем не сравнимое удовольствие, такое, наверное, бывает, как утверждают врачи, один раз в жизни – за несколько секунд перед смертью. Что ж, прочувствовав его и оставшись при этом в живых, я готов признать, что это была высочайшая по накалу и упоительности попытка: у меня уже не было ни слов, ни сил, чтобы поблагодарить мою лечительницу или мучительницу – называйте ее как хотите.

Умиротворенная и, надеюсь, удовлетворенная Светлана улеглась рядом, и я, теряя границу между сном и явью, задремал, обнимая ее. Но полноценно отдохнуть мне, к сожалению, не удалось – когда я вновь открыл глаза, на часах было уже четыре утра, и необходимо было встать, чтобы поспеть на автовокзал к отправлению автобуса.

Светлана сладко посапывала, когда я осторожно высвободившись из ее объятий, стал одеваться.

В темноте среди прочих вещей мне в руки попала косметичка одной из девушек. Любопытство, как говорится, не порок, а простое свинство. Открыв ее, я обнаружил внутри два паспорта, носовой платок, помаду, тени и немного денег. При слабом лунном свете, падавшем из окна, я разглядел на фотографии первого из паспортов Татьяну – брюнетку. Фамилия у нее была длинная и труднопроизносимая, с окончанием на «оглу». Второй паспорт явно принадлежал Светлане – на фото была все та же мордашка, только волосы были заметно светлее. Я хотел было уже закрыть паспорт и положить его на место, как вдруг мне в глаза бросилось нечто такое, что я им не поверил, своим глазам: и в том и в другом паспорте значилось одно и то же имя – Татьяна. Фамилия в обоих паспортах тоже была одна.

Но имя второй девушки – тоже ТАТЬЯНА!? Мне показалось, что у меня, то ли от вина «Токай», то ли от переутомления двоится в глазах. Как, значит, обеих девушек зовут Татьяна?! При этом я, видимо не сдержав эмоций, издал какое-то восклицание, потому что Светлана – или все же Татьяна? – беспокойно заворочалась на своем ложе. Я успел еще заметить, что у девушек разные отчества и вложил паспорта на место, когда она открыла глаза и уставилась на меня непонимающим взглядом.

– Как все же тебя зовут, пупсик мой? Ну-ка, признавайся! – с шутливой угрозой в голосе спросил я, опускаясь на колени рядом с девушкой и ласково целуя ее в шею. Она, ничуть не удивившись тому, что я среди ночи ее об этом спрашиваю, ответила, будто продолжая ранее начатый со мной разговор:

– Вообще-то меня тоже зовут Татьяна.

– Но как такое возможно?.. – поднимаясь на ноги, чуть не вскричал я, – ведь вы сестры-двойняшки?!

– Кто это тебе сказал? Мы, Савва, к твоему сведению, – двоюродные сестры, у нас разные отцы, – ответила Татьяна, решительно поднимаясь с матраса. – Я тебе расскажу нашу историю, если тебе это интересно, а заодно оденусь.

– Интересно, конечно, – отозвался я. – Но вот одеваться тебе вовсе не обязательно. Я тороплюсь, потому что рано уезжаю, а вы с сестрой можете остаться здесь до утра.

– Без тебя я здесь и минуты не останусь, – решительно заявила она, принимаясь собирать свои разбросанные вещи. Попутно она стала рассказывать.

– Наш с Танькой дедушка, не доживший до нашего рождения всего месяц, – начала Татьяна, не прекращая при этом ловко натягивать на себя вещи, – просил перед смертью, чтобы тот из двоих его сыновей, у кого родится дочка, назвал ее Татьяной – так ему захотелось, уж не знаем почему, может любовь какую его давнишнюю так звали, или подругу фронтовую, во всяком случае, в роду у нас до тех пор Татьян не было. И когда родились девочки, то есть мы, – а это произошло с разницей всего лишь в два дня, но у разных отцов, в разных семьях и в разных городах, – то обеих назвали Татьянами, а отцы наши тогда между собой не разговаривали, так как находились в ссоре из-за наследства, ну там, сам понимаешь: дом, живность всякая, овцы, свиньи, куры. Короче, не поделили они все это хозяйство. Вот так и получилось, что обе мы – Татьяны. Но с десятилетнего возраста мы все время вместе, не разлучаемся, наши отцы в конце концов помирились. Светлана я для посторонних, чтобы нас все же могли как-то различать, – добавила она мягким голосом, – вот хотя бы ты, например. И подкрасилась я в блондинку, как ты понимаешь, все по той же причине.

Спустя несколько минут, когда я вышел в коридор и стал обуваться, рассуждая о превратностях судьбы, и о том, что и меня самого часто называют не своим именем, следом за мной тихо, на цыпочках, крались обе Татьяны, не захотевшие, несмотря на столь ранний час, оставаться в квартире наедине с ее хозяином.

Судя по тому, как первая Татьяна, брюнетка, едва мы вышли на улицу, сразу подошла и прижалась ко мне, я понял, что между ней и Сашкой этой ночью так ничего и не было. Вторая Татьяна, подозрительно нас с ней оглядев, прижалась ко мне с другой стороны, и мы пошли втроем, в обнимку, по прохладным от утренней свежести улицам. Прощаясь, я поцеловал обеих девушек в щечку:

– Буду счастлив, если еще когда-нибудь увижу у себя в баре таких классных сестричек – Танюшек.

Девушки пообещали не пропадать и тоже пригласили меня к себе в Комрат, после чего мы расстались, и я бегом ринулся в сторону автовокзала.

6

К отправлению автобуса я едва успел, однако, пока бежал, почти не чувствовал под собой дороги: мне казалось, что я вот-вот полечу – такая в организме была легкость и пустота. Зато, войдя в автобус и заняв свое место в заднем ряду между двумя бабульками в цветастых платочках с многочисленными баулами в руках, я устроился в своем кресле поудобнее, и тотчас же провалился в сон, проспав шесть часов кряду, то есть до самого прибытия автобуса в пункт назначения – Затоку. И, вынужден признаться, что все это время мне снились прекрасные обнаженные девушки с мотками колючей проволоки на лобках вместо волос, которые, идя нестройной группой, несли на подносе мой сморщенный «перчик» (удальцом его теперь даже при всем желании назвать было нельзя) с кровавыми царапинами на нем, а я бежал вслед за ними и умолял вернуть его мне, хотя бы в том виде, как есть. Я уже было почти уговорил их, как буквально в последний момент кто-то помешал мне, грубо оттолкнув от девушек ударом в плечо.

В полнейшем расстройстве я открыл глаза и увидел перед собой... водителя, который тряс меня за плечо со словами: «Станция Затока, парень! Тебе здесь выходить».

Еще не отойдя полностью ото сна, я выскочил из автобуса и, сжимая в руках сумку, помчался к туалету. Пока я писал, – вниз, на свое потрепанное «достоинство» старался не смотреть, – страшновато было.

Товарищ мой, Серега Березкин, который должен был встретить меня в Затоке, и обычно путающий часы, когда мы должны с ним встретиться, а порой и дни, на этот раз, как ни странно, находился на месте, у входа в автовокзал, причем он сразу же разглядел меня в толпе пассажиров и окликнул.

Я подошел и обнял его. Серега был возбужден и не в меру разговорчив, из чего я сделал вывод, что в этот жаркий полуденный час он уже был по своему обыкновению в приличном подпитии.

Спустя четверть часа мы добрались до территории лагеря отдыха, где нам предстояло прожить ближайшие две недели и я, оставив свои вещи в комнате нашего домика, отправился в сопровождении Сергея обозревать окружающую местность. Едва он успел ознакомить меня со всеми необходимыми службами лагеря, как прозвучал гонг, который, как объяснил Сергей, собирал отдыхающих на обед.

Огромное здание столовой, занимающее территорию в полтысячи квадратных метров, было светлым и солнечным из-за больших окон. Войдя внутрь, я уже стал, было, выбирать, за какой из многочисленных столиков нам присесть, когда Сергей, хитровато улыбнувшись, увлек меня в дальний угол столовой, отгороженной от общего зала разноцветными пластиковыми шторами. Там, в уютном уединении от зала, в месте, на первый взгляд незаметном непосвященному, такими же пластиковыми шторами был образован уютный отдельный кабинет, в котором размещалось всего шесть столиков, а по углам помещения высились фикусы в кадках.

– Это место, как ты сам понимаешь, Савва, для лиц, особо приближенных к начальству, – с удовольствием сказал Сергей, присаживаясь за один из столиков, и я с удовлетворением кивнул.

– Нашим соседом по домику является сам шеф-повар – Иван, – продолжил свое объяснение Сергей, – и в столовой, как ты понимаешь, он над всем хозяин. Мы с ним, должен тебе сказать, сразу сошлись по интересам, – добавил он, выразительно щелкнув указательным пальцем по горлу.

Затем мой товарищ деловито огляделся по сторонам и с показной сердитостью сказал:

– Так, а в чем собственно, дело, почему нас не обслуживают?

Я тоже посмотрел по сторонам и тут только обратил внимание на юных девушек в серых фартучках, снующих туда и сюда по залу с подносами, и этих девушек здесь было никак не меньше двух десятков.

Пока я их разглядывал, восхищенно цокая языком, перед моим взором возник худощавый мужчина в халате, возрастом не старше тридцати лет, который, протянув руку и дружелюбно улыбнувшись, назвал себя Иваном. Я пожал его крепкую ладонь, назвал свое имя и лишь после этого заметил стоявшую за его спиной официантку – юную девушку, блондиночку, еще по-юношески пухленькую, но с лицом чистым и хорошеньким, словно у ангелочка. Она стояла, стесняясь и робея, позади своего шефа.

– Вот эта девушка, уважаемые товарищи Сергей и Савва, будет обслуживать вас персонально, – уверенно заявил Иван, движением руки подталкивая девушку к столу, – так что прошу ее любить и жаловать. И он ушел, легонько шлепнув девушку чуть пониже спины, отчего та вмиг зарделась румянцем.

– Да вы не волнуйтесь так, – сказал я девушке, с удовольствием оглядывая ее ладную фигурку, – мы будем и любить вас, и жаловать, а в конце, не сомневайтесь, вы получите зачет по практике. Вот только прежде скажите нам, как вас зовут?

– Меня зовут Таня, – скромно прикрыв глаза красивыми длинными ресницами, ответила девушка. Эти ее невинные слова почему-то отозвались в моем паху короткой, острой болью.

Новелла третья. Центнер любви

Коктейль «Кубинский»

Ром 40 мл.

Сок грейпфрута 70 гр.

Колотый лед.

*Случайно встретившись в аду
с отпетой шлюхой, мной воспетой,
вернусь я на сковороду
уже, возможно, с сигаретой
Игорь Губерман*

В этот вечер я зашел в ресторан с единственной целью – поужинать. Просто возвращался домой после утомительного суточного карточного марафона, проходил мимо, и ноги, откликнувшись на сигнал пустого желудка, сами принесли меня сюда, в хорошо знакомое мне учреждение общественного питания.

Проведя за игровым карточным столом практически безвылазно двадцать четыре часа, я только теперь, входя в ресторан, вспомнил, что за это время съел всего лишь пару бутербродов, запив их водой из-под крана. Что же касается самой игры, то сегодня произошел один из тех редких случаев, когда игра, а играем мы в триньку, под конец как-то сама собой незаметно сникла, словно шагреневая кожа и закончилась, так и не выявив явных победителей и побежденных, и ни у моих партнеров по игре, ни у меня самого не было больше ни сил, ни желания продолжать ее. И все же я был доволен ее результатом, так как в моем кармане по ее окончании стало на пять сотен рублей больше.

Поднимаясь на второй этаж, где, собственно и находится зал ресторана, я дал себе зарок, что как только поем, тотчас же отправлюсь домой, спать, – и никаких приключений, которые нередко со мной случались именно здесь в совсем еще недавние времена, когда я работал в коктейль-баре, расположенном на первом этаже здания.

В зале оказалось множество свободных столиков, и, пройдя вглубь помещения, я сел за один из тех, что расположены вблизи эстрады, заказал тут же подошедшей незнакомой мне новенькой официантке сто грамм водки, бутылку пива, салат из квашеной капусты и котлету отбивную натуральную с картофелем и зеленым горошком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.